

Она пожертвовала всяким изяществом и женственностью уже через две минуты после начала спарринга. Заботясь о внешнем виде, она никак не могла выйти живой, несмотря на то, что оба чуунина использовали нелетальные приемы. Поэтому она уворачивалась, кувыркалась, ныряла, изворачивалась и ругалась, уклоняясь от ударов, и, как оказалось, небольшой радиус действия тонфы ничуть не ограничивал их.

Наконец, когда даже ее синяки сошли, Изумо объявила конец спаррингу и с отвращением обнаружила, что, хотя с нее снова капал пот, оба чунина выглядели лишь слегка запыхавшимися и с легким румянцем на щеках.

"За час ты получила тридцать один удар". заявил Котетсу, опускаясь на землю и вытирая пот со лба нижней частью рубашки. "Это дополнительные 3,1 километра к твоему завтрашнему кругу".

Сакура застонала и рухнула рядом с ним. "Я ударила тебя девять раз". напонила она ворону, повторяя его действия. "Значит, это всего лишь два километра и шестьсот пятьдесят метров дополнительно". И тут же упала на спину: "Вряд ли от этого станет лучше!" - жалобно проскулила она, чем немало позабавила чуунина.

"После перерыва мы пройдем еще десять минут, но немного изменим правила". Идзумо сел с другой стороны от нее. "Минус двести метров за каждый раз, когда ты наносишь нам удар, и еще пятьдесят, когда мы наносим его тебе".

Розочка снова застонала, повернувшись, чтобы пробормотать в траву. "Определенно, слишком много времени провожу с Морино-сан".

Но это принесло свои плоды.

Неделю спустя она смогла пройти круг вокруг Конохи без чакры меньше чем за час, а двое милостиво разрешили ей использовать чакру на дополнительное расстояние, которое она заработала во время их разборок. Более того, она дошла до того, что примерно знала, как обращаться почти со всеми видами оружия в арсенале чуунинов.

По какой-то странной причине ей больше всего нравилась нагината, несмотря на то, что она была почти выше ее. У нее было острое, которого не хватало бо, и она была немного изящнее гуань-дао, так как ее клинок можно было удобно носить в ножнах, что было практически невозможно с последним.

Котецу посмеялся над ее выбором и позволил Идзумо взяться за дело, ворча при этом об "обманчиво приятных на вид людях, предпочитающих нелепое чудовищное оружие". И розочка, и Идзумо не обратили на него внимания.

Сакура удивлялась тому, как комфортно она чувствовала себя рядом с ними, несмотря на то, что они явно были отрядом из двух человек, которых связывали узы, достойные уважения даже

Хокаге, и которые были почти что привязаны друг к другу. Она с грустью подумала о своей собственной команде, о том, как отчужденно она чувствовала себя рядом с товарищами по команде, как злилась, что не видела их с самого начала предварительных соревнований. Потом она поняла, что эти два чуунина позволили ей приблизиться, впустили в свою команду спустя всего неделю, в то время как ее товарищи по команде и даже Какаши-сенсей, несмотря на то, что он так много проповедовал о командной работе и доверии друг к другу, до сих пор не сделали того же.

Потребовалось время, но в конце концов она призналась себе, что не испытывает ни капли вины, когда думает о товарищах по команде подобным образом, но потребовалось личное утешение Котетсу, чтобы она признала, что это не делает её ужасным человеком. "Ты поняла, что заслуживаешь лучшего". Он просто сказал, парируя удар ее бо. "В этом нет ничего постыдного. Это достойно восхищения".

Вторая неделя была посвящена знакомству с нагинатой: она училась использовать ее не только как удлиненную кирку, но и как маневрировать телом.

Двое чуунинов всегда были готовы поддразнить и подбодрить ее, а Изумо даже пообещал научить ее своей технике Высвобождения Воды, если она станет чуунином, когда она сказала, что это ее вторая стихия.

Сакура улыбнулась и призналась: "Я вроде как уговаривала Генму-сана научить меня Хирайшину, если я сдам экзамен, так что это будет очень приятным дополнением". Она вкопала рукоять нагинаты в землю и, используя ее как шарнир, стала крутиться вокруг своей оси, не замечая изумленных взглядов, которыми обменивался дуэт, когда она поворачивалась спиной: Генма тяжело воспринял смерть Йондайме, как личную неудачу, а Хирайшин был единственным, что осталось после его смерти; они не думали, что он добровольно...

Их глаза метнулись к розочке, когда она, воспользовавшись импульсом в воздухе, нанесла удар по невидимому противнику. Что в ней было такого особенного?

Но на самом деле они знали ответ. Розочка могла считать себя кем-то средним, ни в чем особо не одаренным, но она была решительна до безобразия и смертельно умна. Ее оценка мастерства соперника была тщательной, и она никогда не умалчивала о своих недостатках. Она признавала, чего ей не хватает, и старалась это исправить, но при этом никогда не доводила дело до крайности. Она не стеснялась говорить Котетсу, что она не такая сильная, как ее товарищи по команде, что ее выносливость оставляет желать лучшего и что нет, она только начала, она еще не может так...! Но в том-то и дело, что, несмотря на все ее недостатки и неадекватность, ее позиция не была "я не могу, я никогда не смогу", как это было принято среди большинства девушек, и не "я не могу этого сделать, поэтому я буду работать до изнеможения, пытаясь исправить это, и причиню себе больше вреда, чем пользы", как большинство мальчиков, стремящихся стать шиноби, - нет, это было расчетливое, аналитическое "я пока не могу этого сделать, но дайте мне немного времени, и я выясню, почему я не могу, в своем собственном темпе. '. А еще она принимала все их замечания, некоторые резкие, некоторые конструктивные, некоторые хвалебные, с тем же взглядом, с той же жаждой знаний, стремлением к самосовершенствованию. Ни Котетсу, ни Изумо не были сенсеями, не то что Ирука и уж тем более генин-сенсей, к тому же они были ограничены очень

жестким лимитом времени. Но она принимала все их искаженные, вольные методы обучения за чистую монету, не возражала против их рабочей этики "у нас нет времени на пункты А и Б, так что давайте сразу перейдем к пункту С", а то, чего ей не хватало в плане природных талантов, она компенсировала умом и стальной решимостью.

Она призналась, что поначалу ее решимость проистекала из желания помочь товарищам по команде, из желания сражаться рядом с ними и не желать больше смотреть им в спину, и они это уважали. Но потом она рассказала им, что во время экзаменов на чуунина она прошла через Лес Смерти и предварительный бой - который они в частном порядке считали нелепым и внутренне превозносили Генму как чудотворца, потому что бой длительностью меньше минуты не под силу куноичи ниже среднего уровня - благодаря поддержке и ободрению Генмы и его решимости не подвести его, не потратить все то время, которое он провел с ней, впустую, не выложившись на полную.

"И теперь у меня есть еще два человека, которых я не могу подвести". Она прямо заявила им об этом, и небольшая улыбка на ее лице дала им понять, что она не раздражена или сожалеет, а благодарна. "Так что, честно говоря, я ни за что не проиграю этот матч". Котетсу и Изумо обменялись гордым взглядом, пораженные тем, как выросла ее уверенность с первой встречи, и почувствовали, что знают ее гораздо дольше, чем две недели.

Синхронно, что, казалось, раздражало всех, кроме нее и Генмы, они усмехнулись и сказали ей с одинаковой убежденностью: "Ты не проиграешь".

Улыбка, которую она им подарила, была блестящей и полной обещаний.

В день финального этапа Сакура пришла на стадион вместе с двумя чуунинами, поблагодарив их за уделенное время и пообещав не разочаровать. И тут, когда она уже собиралась присоединиться к остальным участникам, ее внимание привлек крик "Лоб!".

Она повернулась, и, как и ожидалось, к ней подбежала Ино с ее фирменным хвостиком, за спиной у нее вился Чоджи и оба их родителя.

"Я все еще ненавижу тебя за то, что ты меня побила", - начала она, и Сакура почувствовала, как на ее лице, вопреки себе, появляется улыбка. Она скучала по Ино. "Но я хочу, чтобы ты пошла и надрала задницу этой блондинке до следующей недели, слышишь? И перестань так улыбаться, это жутко!"

"Ино!" - назидательно произнесла мать, а отец лишь вздохнул и провел рукой по лицу.

Сакура улыбнулась блондинке и легонько щелкнула ее по носу. "Я тебя победила, да, Ино-свинья? Неужели ты думаешь, что она окажется сложным испытанием?" Ино удивилась ее уверенности, а потом, похоже, поняла, что это комплимент, и открыто захлопала глазами.

"Сакура, ты в порядке?" - обеспокоенно спросила она, тыльной стороной ладони касаясь лба розочки. "Ты... другая". Она заметила это с осторожностью, словно опасаясь, что Сакура набросится на нее и накричит.

Но она лишь пожала плечами. "Я... изменилась". Она честно призналась, но, видя, что Ино далеко не успокоилась, попробовала сделать то, что не удавалось отвлечь Ино с тех пор, как она ее знала. Нацепив одну из своих старых наглых ухмылок, она поддразнила Ино: "Я все еще не позволяю тебе заполучить Сасуке-куна, Ино-свинья". Но не успела она ответить, как массивная дверь, ведущая на арену, где им предстояло сразиться, распахнулась, и Сакура едва услышала возглас Ино "Удачи!", как родители повели блондинку на зрительскую галерею, чтобы занять хорошие места.

Сакура быстро встала рядом с Наруто и, как она надеялась, ободряюще улыбнулась ему, прежде чем они вошли в дверь вместе с другими кандидатами. Внутри аплодисменты стали еще более оглушительными, и Сакура увидела, как некоторые генины слегка прижались друг к другу, явно переполошившись. Среди них были Наруто и Шикамару, а также похожий на мумию человек из Отогакуре.

Но Сакуре не было дела до толпы, ее внимание было сосредоточено на другом.

Потому что в центре арены, с вездесущим сенбоном во рту, глазами, кричащими извинения, и маленькой, скрытной улыбкой, в которой светились гордость, ободрение и тепло, стоял Генма-сан.

Внезапно толпа словно растворилась, а шум превратился в приятный гул в свете ее решимости.

Она сделает это.

<http://tl.rulate.ru/book/100820/3459950>